

Деревянные подмости, к которым привязали Лань Циня, подняли в воздух. Он был вынужден смотреть прямо на бурлящую поверхность реки.

В лицо ударил влажный воздух с легким запахом гнили, но Лань Цинь по-прежнему молчал, лишь с холодным спокойствием глядя на воду.

Он уже понимал, какой конец его ждет. Честно говоря, смерть не была для него чем-то новым: в каждом мире, где проходили его задания, он сталкивался с ней — будь то автокатастрофа или прыжок с крыши, он давно привык к подобному финалу.

Если бы не встроенная в систему блокировка боли, Лань Цинь не знал бы, удалось ли ему так успешно исполнять роли статистов. Сейчас же его больше всего беспокоило именно это: системы 1122 не было рядом, и он понятия не имел, работает ли блокировка. Если боли не избежать, это станет серьезным препятствием для выполнения задания.

За десяток предыдущих миров Лань Цинь не сталкивался с серьезными испытаниями: максимум — его игнорировали или смотрели свысока, приходилось работать на износ, но настоящих страданий он не знал. А теперь, когда его собирались принести в жертву и, возможно, утопить заживо, Лань Цинь почувствовал, что это настоящее испытание его профессионализма.

Жертвоприношение Духам и Божествам шло своим торжественным и жутким чередом. Чэнь Хуцзинь видел, что ритуал близится к завершению: Лань Циня вот-вот бросят в Реку Ста Призраков, где он станет невестой божества, утонет, а его тело и душа превратятся в подношение.

— Отец... — Чэнь Хуцзинь не выдержал и попытался заступиться за Лань Циня, но было уже поздно — ритуал завершился.

Староста, не колеблясь и не выказывая ни капли жалости, громко и торжественно провозгласил:

— Преподнести невесту, отдать божеству!

Чэнь Хуинь не могла смириться с тем, что Лань Цинь погибнет, но, в отличие от своего более смелого брата, она до смерти боялась отцовского гнева и не решалась открыто возразить. Она могла лишь отвести взгляд, не в силах смотреть на связанного Лань Циня.

Ян Цзянь, осознав, что собираются сделать эти люди, не мог представить, какую мучительную смерть примет Лань Цинь. Он отчаянно сопротивлялся, но сельчане безжалостно прижали его к земле. Он мог лишь срывать голос, выкрикивая имя Лань Циня.

Если Лань Циню не показалось, то в момент падения в воду он услышал испуганный крик Ян

Цзяня: Лань Цинь, я иду за тобой! — а следом за этим раздались всплески воды.

Лань Цинь понимал: скорее всего, Ян Цзянь тоже прыгнул следом. Однако у него не было возможности проверить, в каком тот состоянии: шестеро крепких мужчин подняли его и с силой швырнули в реку. Бурлящие воды мгновенно поглотили его вместе с деревянными подмостками.

Лань Цинь не знал, что случилось с Ян Цзянем, да и сам не мог позволить себе действовать опрометчиво.

Внезапно после короткого потемнения в глазах он не почувствовал удушья от воды. На мгновение закружилась голова, возникло странное чувство, будто он вырвался из кокона, и окружающая обстановка полностью изменилась.

Взору предстало царство ярко-красного шелка. Торжественная, но мрачная атмосфера, алые полотна ткани, колышущиеся без ветра — все это выглядело слишком зловеще. Особенно учитывая, что вокруг Лань Цинь видел множество занятых своим делом существ.

Хорошее зрение позволило ему разглядеть, что эти странные люди не касались ногами земли, а парили над ней. Они не смотрели на него, лишь опустив головы, сновали туда-сюда, казалось, будучи очень занятыми.

Лань Цинь огляделся, но не обнаружил Ян Цзяня, и сердце тревожно сжалось.

Он опустил взгляд на свой наряд и обнаружил, что красное свадебное платье изменилось: теперь на нем было нечто вроде роскошной накидки сяпэй, еще более великолепной и дорогой, чем та, что на него натянули сельчане.

Голова казалась тяжелой, словно ее что-то сдавливало. Лань Цинь поднял руку, чтобы коснуться украшения, но чья-то рука внезапно перехватила его движение.

Лань Цинь не испугался жуткой обстановки, но эта холодная, внезапно возникающая рука заставила его вздрогнуть. Это была рука взрослого мужчины: жилистая, сильная, с четко очерченными суставами. Лань Цинь невольно проследил взглядом вверх, желая увидеть хозяина, хотя и понимал, что живым человеком тот быть не может.

В момент, когда он поднял глаза, он был готов увидеть нечто пугающее, но, встретившись с ним взглядом, обнаружил, что перед ним стоит красавец.

Он был облачен в роскошный красный свадебный наряд, длинные волосы были наполовину убраны заколкой из зеленого нефрита. Лицо — тонкое и благородное, фигура — высокая и статная. Однако в глазах читалось равнодушие, а от всего облика веяло властью и опасностью. Если не обращать внимания на бледность кожи, он казался благородным

господином, подобным горной сосне.

Заметив, что Лань Цинь смотрит на него, мужчина внезапно сжал губы и слегка, почти неуклюже улыбнулся.

— Поклониться Небу и Земле! — раздался громкий голос существа, похожего на распорядителя свадеб.

Лань Цинь понял, что его собираются выдать замуж — или, вернее, женить на призраке. Он хотел сбежать, но сил не было, а ноги словно приросли к земле. Пришлось подчиниться и совершить поклон.

Думая о том, как нелепо он оказался связан брачными узами с женщиной — или призраком, — он чувствовал досаду.

Видимо, заметив, что невеста всем сердцем сопротивляется этому союзу, призрак прошептал:

— Лань Цинь, не бойся меня. Я никогда не причиню тебе вреда...

Голос был нежным и ласковым, но рука, сжимавшая ладонь Лань Циня, была непреклонно твердой.

Лань Цинь молчал. Когда распорядитель выкрикнул: Отвести в брачные покои, обряд завершен! — он услышал, как призрак вздохнул, а затем рывком притянул его к себе.

Лань Цинь смутился, когда его подхватили на руки в стиле принцессы. От такой близости он почувствовал, как бешено колотится сердце призрака.

Разве у призраков есть сердцебиение?

Лань Цинь сомневался, полагая, что это его собственное сердце так стучит. Но когда его лицо прижалось к широкой груди призрака, он понял: этот яростный, почти оглушительный ритм принадлежит именно ему.

Этот стук заставил Лань Циня на мгновение забыть. Звук был настолько мощным, что кружилась голова, словно его окутала волна неистового восторга и радости.

Фигура Лань Циня была гораздо изящнее, чем у высокого призрака. Когда тот внес невесту в главную погребальную камеру и опустил на мягкое ложе, а затем навис сверху, хрупкий юноша оказался полностью скрыт его тенью.

Даже без свечей призрак ясно видел белоснежную, с легким румянцем кожу, правильные черты лица и красивые глаза своей невесты. Он чувствовал, что его Цин-Цин во всем был совершенен — именно таким, как он всегда желал.

Боясь, что невеста испугается темноты, призрак впервые за тысячу лет тишины и мрака зажег в гробнице множество свечей, осветив комнату.

Он склонился, желая поцеловать того, о ком грезил столько лет. Его переполняла любовь, которой некуда было выплеснуться, и он хотел вложить всю свою нежность в этот поцелуй, чтобы Лань Цинь понял, как сильно он его любит.

Лань Цинь не отвечал, но призрака в красном наряде это не заботило. Он лишь продолжал страстно целовать лицо Лань Циня, и в каждом его движении сквозила глубокая привязанность и желание.

<http://bllate.org/book/22225/2319557>